

ПЁТР
КОЗЬМА

НАШ ЧЕЛОВЕК В
МЪЯНМЕ

Мир глазами русских

Петр Козьма

Наш человек в Мьянме

«Алисторус»

2014

Козьма П. Н.

Наш человек в Мьянме / П. Н. Козьма — «Алисторус»,
2014 — (Мир глазами русских)

Петр Козьма уже несколько лет живет в загадочной Мьянме. За это время ему удалось увидеть изнутри совершенно незаметные для туриста вещи – быт людей, их мировосприятие, узнать, какую еду они предпочитают, во что верят. Он узнал, как вступать с мьянманцами в деловые отношения. Все это он легко и ненавязчиво описывает, часто подтрунивая над местными, сопоставляя с нашими, российскими реалиями. Книга интересна будет каждому, кто хочет погрузиться в мир неизвестной для него страны.

© Козьма П. Н., 2014

© Алисторус, 2014

Содержание

Предисловие	6
Когда Мьянма была Бирмой	8
Колокол Дхаммазеди	8
Доктор Монтгомери	11
Армянская история Рангуна	15
Янгонские озера	19
«Русские» здания Янгона	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Петр Козьма

Наш человек в Мьянме

© Козьма П. Н., 2014

© ООО «Издательство Алгоритм», 2014

Предисловие

«Когда я сообщил жене что собираюсь в Мьянму, она ответила, что Африка ее не интересуется. А когда я сказал, что поеду в Бирму, она призналась, что посетить эту страну – ее давняя мечта».

Этот диалог, кочующий по туристическим форумам в Интернете, хорошо отражает знание большинства жителей России о Бирме-Мьянме. Долгие десятилетия эта страна, где правили военные, была «белым пятном» на карте мира. Но для многих русских она никогда не была чужой.

Любому жителю России, который родился в 60—80-е годы прошлого века, хорошо известно имя знаменитого писателя-фантаста Кира Булычева, автора книг про девочку Алису – «гостью из будущего». Но не все знают, что на самом деле этого человека звали Игорь Всеволодович Можейко, и в своей «настоящей» жизни он был доктором наук и одним из крупнейших в нашей стране специалистов по истории Бирмы.

Тем, кто интересуется историей футбола, известно имя советского тренера Германа Семеновича Зонина – человека, который в 1972 году сделал чемпионом СССР луганскую «Зарю», а потом был главным наставником питерского «Зенита». Но лишь парой предложений в его биографии упоминается тот факт, что в 1965-67 годах он фактически с нуля создал национальную футбольную сборную Бирмы и довел ее до уровня одной из лучших команд в Азии.

Когда в 1912 году в Нарве на территории Российской империи в семье ювелира родился мальчик Фридрих Лустиг, вряд ли кто мог предположить, что этот человек станет одним из первых русскоязычных буддистских монахов Юго-Восточной Азии и сорок лет проживет в монастыре у подножия пагоды Шведагон в Янгоне под монашеским именем Ашин Ананда. А многие мьянманские гиды до сих пор с огромным уважением рассказывают туристам про старого и очень умного русского монаха, знавшего много языков, писавшего стихи и музыку.

Таких примеров можно привести немало. Россия по-настоящему открыла для себя Бирму в середине XIX века, во времена короля Миндона – реформатора, избравшего своим образцом российского императора Петра I и заказавшего перевод его биографии на бирманский язык. Миндон стремился обезопасить свою страну от растущей угрозы со стороны Великобритании, и при нем была достигнута договоренность о том, что молодые бирманские офицеры поедут учиться в Россию. Интересно, что эта история повторяется в наши дни: каждый год сотни мьянманских студентов, в основном военных, приезжают в нашу страну для учебы в российских вузах.

В Мьянме о России знают куда больше, чем в России о Мьянме. Большинство мьянманцев хорошо знают имена многих российских футболистов, причисляют себя к фанатам Марины Шараповой и без проблем могут объяснить, кто такой Роман Абрамович. А уж имя президента России, я думаю, в Мьянме знают почти все.

В России о Мьянме до сих пор знают очень мало. Тем не менее, сегодня эта страна, ставшая на путь реформ, все больше и больше открывается внешнему миру.

В Мьянме есть что посмотреть. Туристов манят величественная золотая буддистская ступа Шведагон в Янгоне, город тысяч древних пагод Баган, озеро Инле с уникальным бытом его жителей, ослепительно белые пески пляжей Нгапали и Нгве Саунг.

Но главная достопримечательность Мьянмы – ее жители. В этой крупнейшей стране Юго-Восточной Азии живет более 60 миллионов человек – представители 135 национальностей, каждая из которых обладает своей уникальной культурой. Годы закрытости способствовали консервации традиционного уклада жизни, и если кому-то сегодня хочется посмотреть на сохранившуюся с прежних времен настоящую Азию, ему, безусловно, следует ехать в Мьянму.

Эта книга – о людях Мьянмы. Об их быте, культуре, привычках, одежде, еде, традициях, праздниках, верованиях и суевериях. О том, что увидит путешественник из России, если решит прогуляться по янгонским улицам, проехать на городском автобусе или пообедать в местном кафе. О том, к чему он должен быть готов, если собирается поехать в Мьянму.

Когда Мьянма была Бирмой

Колокол Дхаммазеди

Для любого россиянина существует непреложный факт: самый большой колокол в мире – это Царь-колокол массой 200 тонн, отлитый в 1735 году и находящийся в Кремле. Пусть он стоит с отломанным куском, пусть не звонит – все равно он существует.

Но мало кто из россиян знает, что в 1484–1487 годах, то есть за 250 лет до Царь-колокола, по приказу короля монской династии Дхаммазеди (1472–1492) в Мьянме был отлит колокол весом в полтора раза больше российского собрата. После отливки он был помещен в пагоду Шведагон и выставлен там на всеобщее обозрение. Европейские путешественники оставили его описания. Самое известное принадлежит перу венецианца Гасперо Бальби и датируется 1583 годом: диаметр нижней части колокола, по его словам, составил «семь шагов и три ширины руки», то есть измерения проводились в полном соответствии с духом мультфильма «38 попугаев». По другим данным, он составлял двенадцать локтей в высоту и восемь локтей в ширину. На основании подобных описаний

можно рассчитать его вес. По различным оценкам, он должен составлять от 270 до 300 тонн. Кроме того, мьянманские историки ссылаются на какую-то запись о том, что вес колокола составлял 180 тысяч виссов (1 висс = 1,633 килограмма), то есть 294 тонны.

Основой колокола при отливке стали медь и олово. Поверхность была покрыта серебром и золотом, а также инкрустирована драгоценными камнями. Кольцами по окружности на нее были нанесены надписи, про которые Гасперо Бальби сказал, что их никто на свете не может прочесть. Но самое главное – этот колокол, в отличие от российского собрата, звонил. Правда, обычной колотушкой извлечь из него звук было невозможно: приходилось использовать специальное бревно на цепях, которым с разбегу ударяли в колокол несколько человек.

Интересно, что мастера, отливавшие колокол, что-то, видимо, напутали при отливке с акустикой, потому что колокол издавал не вполне приятный звук типа дребезжания. Мьянманцы, кстати, объясняют это тем, что король Дхаммазеди не послушал своего астролога, который предупреждал о неблагоприятном моменте для отливки колокола. Якобы звездочет уверял, что из-за отрицательного влияния созвездия Крокодила колокол рискует появиться на свет вообще без голоса. Тем не менее, судя по всему, какой-то голос у колокола все-таки был.

Таким образом, до 1608 года это был «рабочий» звонящий колокол – самый большой колокол в мире. А его безголосого российского собрата в это время еще не существовало даже в проекте.

Трагическая история этого колокола («он утонул», как сказал бы известный государственный деятель современности) непосредственно связана с человеком, имя которому – Фелипе Де Бриту э Никоте. Об этом человеке, жившем во второй половине XVI и в начале XVII веков, написано много: в самом деле, мало кто из европейцев становился правителем в стратегически важных точках Азии, причем доказывал это право в постоянных сражениях.

Столицей Де Бриту была крепость Танльин (Сириам). Сейчас это юго-восточный пригород Янгона, отделенный от центральной части города сначала речушкой Нга Мо Йейк, а затем более полноводной рекой Баго. Именно там находился один из немногих хороших выходов в море. Историки говорят, например, что в начале XVII века реки Янгон как таковой не существовало, а река Хлайнг текла по другому руслу, поэтому место нынешнего Янгона было всего лишь заболоченной низиной с озерами, заливами и протоками реки без прямого выхода к морю. Поэтому роль Танльина как таможенного пункта, морского порта и укрепленной кре-

пости трудно переоценить. Вот в этом городе более десяти лет правил португалец Фелипе Де Бриту, на равных общавшийся с местными монархами и принцами.

Де Бриту оставил о себе память как гонитель буддизма. Хотя, видимо, не все было так просто. В ряде хроник указано, что при нем в Шведагоне возводились новые постройки. А в 1915 году археологами в Бирме был найден памятный камень, заложенный в основании буддистской ступы. Согласно тексту на камне, эта ступа была построена в 1608 году, а инициаторами строительства были его сын и дочь от араканской жены. Сложно себе представить христианского мракобеса, который по крайней мере не препятствует намерению своих детей-буддистов (!) заложить пагоду. Поэтому, скорее всего, действительность была куда сложнее, чем навешанные на Де Бриту ярлыки. При том что он, несомненно, был верующим христианином, многие его действия были вызваны отнюдь не религиозными, а скорее практическими соображениями: он просто хотел оторвать жителей Танлына от той религии, которую исповедовало большинство его врагов.

Тем не менее, одним громким антибуддистским поступком он все-таки прославился, когда приказал снять огромный колокол в Шведагоне и повезти его на переплавку. Танлын был слишком лакомым и доходным местом, поэтому желающих его завоевать всегда было в избытке. Форт нуждался в пушках, а переплавка массивного колокола была идеальным способом решить эту проблему. Кстати, потом подобная идея придет в голову российскому царю Петру I. Произошло это в 1608 году, за пять лет до того, как Де Бриту в конце концов был разбит, взят в плен и подвергнут мучительной казни: завоеватели посадили его на кол, проткнув насквозь вдоль тела, причем вся процедура длилась три дня, а потом отрезали голову и возили ее по окрестностям для демонстрации населению.

Естественно, тот факт, что Де Бриту плохо кончил, многие буддисты напрямую связали с его намерением переплавить колокол. Понятно также, что бирманские историки не очень-то любят этого персонажа и относятся к нему как к португальскому наемнику-авантюристу, захватившему бирманский форт и беспредельничавшему там больше десяти лет. При этом они забывают тот факт, что араканский король Ман Раджа-Кри не только давал ему очень почетные титулы, но и пожаловал его большим вилайетом (поместьем) в знак оценки его заслуг перед королевством. Многие коронованные особы из соседних территорий общались с ним на равных, не считая его ниже себя или, по крайней мере, не показывая этого. Его сын женился на монской принцессе, а бирманский король Натшиннаунг называл его своим «кровным братом». Да и португальский вице-король в Индии Айрес Де Салданья не стал бы выдавать свою племянницу (или, по другим сведениям, даже внебрачную дочь) Луизу за какого-то проходимца.

Впрочем, вернемся к огромному колоколу в пагоде Шведагон. Факт остается фактом: Де Бриту действительно приказал его снять и отправить на переплавку. Когда массивный колокол волоком по бревнам дотащили до реки и втянули на баржу (хотя я, если честно, плохо представляю, как можно транспортировать груз весом в 300 тонн), она ощутимо просела под ним. А после того как баржа отплыла от берега и начала свой путь вниз по реке, раздался страшный треск. Не выдержав огромной тяжести, баржа разломилась пополам, и колокол ушел под воду.

С тех пор прошло четыре сотни лет, река несколько раз меняла свое русло, а дно зарастало илом, поэтому точное место затопления колокола сегодня не укажет никто. Все попытки снарядить специальные экспедиции и найти колокол не увенчались успехом. Надежды все новых и новых искателей подогревает лишь тот факт, что колокол такого веса никакая река не в состоянии сдвинуть с места и вынести в открытое море.

Попытки найти колокол не прекращаются и сегодня. В 2012 году сингапурец Дин Лим, возглавляющий корпорацию «Эс-Ди Марк Интернэшнл», объявил, что он готов потратить 10 миллионов долларов на поиски колокола и его возвращение обратно в Шведагон. Для этой цели он привлек к сотрудничеству Майкла Хатчера, морского археолога, известного своей везучестью. В свое время именно Хатчер нашел голландскую подводную лодку KXVII, затопленную

японцами в декабре 1941 года. Но наибольшую известность получила другая находка Хатчера, сделанная в 1985 году, – корабль «Гелдермалсен», перевозивший большое количество китайского фарфора и затопленный в 1751 году около Явы. Майк Хатчер уже заявил, что колокол он будет искать бесплатно, а расходы он надеется компенсировать после того, как напишет и издаст книгу о своих поисках. После этого в Янгоне прошел специальный семинар, посвященный затонувшему колоколу, но практическая работа до сих пор так и не начиналась. Осенью 2013 года о планах по поискам колокола заявил и один из самых богатых людей Мьянмы, сенатор Кхин Шве.

Некоторые мьянманцы, тем не менее, уверены, что хотя и любопытно было бы увидеть огромный колокол, но все-таки лучше оставить его там, где он есть. В качестве аргументации они приводят историю этой реликвии. Король Дхаммазеди первоначально не думал ни о каком колоколе. Период его правления был очень мирным, народ процветал и исправно платил налоги. Эти налоги взимались в виде сельхозпродуктов, леса, драгоценных камней и минеральных ресурсов, в числе которых, естественно, были и металлы. В обычное время, наполненное войнами и конфликтами, металлы на складе не залеживались – из них отливали пушки. Но что делать с этими металлами, когда в стране царит мир? Нужно было как-то разгрузить переполненные королевские склады, и кто-то из придворных подал королю совет – отлить огромный колокол и установить его в Шведагоне, там, где любила молиться его мать, королева Шин Со Пу. Король так и сделал.

То есть появление на свет колокола – не более чем историческая случайность, философски рассуждают некоторые мьянманцы. А то, что случайно появляется на свет, очень часто таинственным образом исчезает. Все поиски в этом случае – это попытки нарушить естественный ход событий. Кроме того, тот факт, что поиски колокола до сих пор не увенчались успехом, может свидетельствовать о том, что его не дают найти духи-наты. Поэтому если колокол все-таки найдут, ничем хорошим это не кончится. Уже сейчас представители национальных общественных организаций монов утверждают, что колокол в случае обнаружения должен быть отдан им, поскольку был отлит по приказу монского короля. У других людей на этот счет могут быть другие мнения, и кто знает, какой ящик Пандоры будет открыт, если этот колокол будет найден. А некоторые исследователи вообще считают, что колокол Дхаммазеди – это всего лишь красивая легенда. Они допускают, что, возможно, и был какой-то колокол, но совсем не такой огромный. А путешественники-европейцы, сами его не видевшие, просто списывали информацию о его размерах и внешнем виде друг у друга.

Именно поэтому многие сегодня считают, что лучше оставить этот колокол в покое. В конечном итоге мы имеем красивую легенду о нем, а память о той или иной вещи часто гораздо лучше и грандиознее, чем сама эта вещь, существовавшая в реальности.

Доктор Монтгомери

В России (да и не только в России) принято отсчитывать историю города ровно от того момента, как обезьяна слезла с дерева и начала на этом месте жить. Мьянманцы в этом отношении более скромны. На территории современного Янгона люди жили давным-давно. По преданию, когда более двух с половиной тысячелетий назад сюда приехали два брата-торговца с волосками Будды, тут уже было поселение людей во главе с маленьким царьком всей округи. После этого времени люди неподалеку от пагоды Шведагон жили практически всегда.

А сам Янгон (или Рангун в прежней «рыкающей» транскрипции) появился только в 1755 году, когда эти монские земли захватил бирманский король Алаунпайя. Присоединив эти территории к своим владениям, он реализовал тем самым свои воинственные амбиции, успокоился и назвал это место именно Янгоном, то есть «окончанием вражды».

В то время Рангун был очень маленьким поселением, причем расположенным на весьма гиблом месте. Город стоял вдоль излучины плоского берега на болоте, едва-едва возвышаясь над уровнем реки. Когда река Янгон разливалась, люди переселялись на чердаки зданий, а в гости ездили на лодках. Так же было и тогда, когда южные ветры нагоняли в дельту реки морскую воду.

Кто знаком с нынешним Янгоном, очень удивится тому, что пагода Суле, например, в то время была с трех сторон окружена водой протоки, а сама центральная часть города помещалась южнее Суле – на небольшом острове с хаотически расположенными несколькими улицами. Можно, конечно, умильно называть все это азиатским Манхэттэном. Но Манхэттэн лежит на каменной скале, которая как раз и позволила строить знаменитые небоскребы. Здесь же было только тягучее болото с москитами и уходящая из-под ног трясина, постоянно размываемая водой. Поэтому, как пишут исследователи того времени, Янгон можно охарактеризовать одной фразой: это поселение поражало своей малозначительностью. В самом деле, кто захочет жить среди болот на топком месте, в то время как относительно неподалеку уже стояли города типа Баго, жизнь в которых была куда комфортнее? До последних лет XVIII века в Рангуне даже не было мощеных улиц.

Тем не менее, жизнь в городе кипела. И главной причиной было то, что Рангун из дельты реки имел прямой выход к морю. Причем было ясно, что широкая дельта, а фактически – морской залив, будет на этом месте еще очень долго. Руслу же рек, текших по равнине к морю, постоянно менялись, поэтому те, кто строил в глубине суши на реке очередной город, никогда не были уверены в том, что через несколько десятилетий этот город не превратится в никому не нужные заброшенные развалины посреди безводной равнины.

Таким образом, это гиблое место оказалось интересно именно с логистической точки зрения – как площадка для разгрузки судов, приходящих сюда с океана. А поэтому национальный состав рангунцев уже во времена короля Алаунпайи был весьма разнообразен; в том числе тут появилось много европейцев и были построены, например, римско-католическая и армянская церкви.

Жизнь этого небольшого космополитичного городка была на самом деле по-своему интересной и разнообразной. Скажу лишь, что в 1824–1826 годах город захватывали англичане, которые потом передали его бирманской администрации, в 1841 году он практически полностью выгорел, а в 1852 году англичане пришли вновь, подвергнув при этом город такому обстрелу, что от него мало что осталось.

На этом история прежнего Рангуна закончилась. И началась совсем другая история.

Когда отгремели последние залпы, встал вопрос – что дальше? В город возвращались его обитатели, и уже почти ничто не тревожило его мирную жизнь, за исключением одного взрыва, убившего с полдюжины человек. В ноябре 1852 года взорвался расположенный неда-

леко от Шведагона склад боеприпасов, где находились в том числе пушечные ядра и круглые увесистые пули для мушкетов, которые в буквальном смысле взлетели на воздух, а потом пробили крыши домов, а попутно – и черепа мирных граждан. Это событие еще раз поставило на повестку дня необходимость формирования гражданских органов власти для управления городом. А главное, пришло время для принятия решения о том, как этот город должен развиваться дальше. Молодой генерал-губернатор Индии, лорд Дальхузи (живи он в наше время, его бы точно назвали «Киндер-сюрпризом»), одобрил схему управления этими территориями, создав провинцию с центром в Пегу (Баго), которая должна была управляться специальным уполномоченным, которым стал капитан Пхэйр с зарплатой в 800 рупий плюс 1000 рупий в месяц «лодочных расходов». А в Рангуне должен был постоянно находиться его заместитель, капитан Спарк, зарплата которого составляла 1000 рупий в месяц плюс 100 рупий «лодочных».

Лорд Дальхузи выразил то, что уже давно носилось в воздухе: на этом месте должен возникнуть хорошо оборудованный порт. Территория нуждалась в развитии, и ее роль в будущем должна была только возрастать. Задачу облегчало то, что от прежнего Рангуна после пожаров и обстрелов практически ничего не осталось, а то, что осталось, не имело никакой исторической или культурной ценности. Поэтому эта территория давала простор для самых смелых мыслей, которые можно было реализовать с чистого листа.

Вот тут, собственно, самое время начать рассказ о человеке, жизненный путь которого привел его в это время в Рангун.

Звали его доктор Уильям Монтгомери. Доктором он был в самом прямом смысле: он прибыл в Рангун с британскими войсками в качестве «superintendent surgeon». Нужно сказать, что к этому времени он был уже вполне зрелым человеком, и это касалось не только медицинской практики. Его первое назначение в Сингапур состоялось еще в 1819 году. А 1819 год для Сингапура – это время, когда Томас Стэнфорд Раффлз оценил важность острова и принял решение о строительстве там большого порта с прилегающим к нему городом. Доктор Монтгомери служил в Сингапуре до 1842 года, поэтому вся деятельность по планированию и строительству нового портового города проходила не только на его глазах, но и при его живейшем участии. Нужно ли говорить, что такой человек в Рангуне оказался, что называется, в нужное время и в нужном месте.

В сентябре 1852 года доктор Монтгомери представляет меморандум о будущем Рангуна. По скрупулезности написанного можно судить о личности доктора. Берег реки шириной 160 футов как наиболее ценный актив предполагалось оставить пустым: его намечалось разбить на участки и предоставлять для коммерческих целей. А весь город должен был быть спланирован в виде параллельно-перпендикулярных кварталов с улицами шириной 60 футов, отстоящими друг от друга на 200 футов. Места под строительство домов внутри кварталов должны были реализовываться на аукционах.

Обоснование параллельно-перпендикулярной планировки и относительно малого размера кварталов было весьма интересным: в жаркие дни параллельные и перпендикулярные улицы должны иметь теневую сторону, а это значит, что жители домов, большинство которых расположены по углам кварталов, будут всегда иметь возможность уйти в ту комнату, в окно которой не светят палящие лучи солнца.

Ширина улиц обосновывалась необходимостью вентиляции и защиты от распространения пожаров. По центру вдоль каждой улицы должен был проходить подземный водовод, по которому во время высоких приливов ввода из реки поступала бы в накопители типа прудов, расположенные на болотистой местности возле пагоды Суле или там, где уровень земли начинал повышаться по мере приближения к находящемуся на более высоком месте Шведагону. Эти подземные водоводы предполагалось сделать закрытыми, но при этом размер их должен был быть достаточно большим, чтобы люди могли находиться внутри для их очистки. Через каждые 100 футов в водовод должен был вести колодец, причем под ним на дне водовода

должно было быть вырыто углубление на 12–15 футов, чтобы обеспечить постоянный запас воды на случай пожара, если воды в самих водоводах по причине отлива не будет.

Главная цель накопителей у пагоды Суле – канализационная. По плану доктора Монтгомери, от центра города вниз к реке следовало проложить узкие дренажные стоки, и за полчаса до достижения водой в реке самой низкой отметки накопители должны были открываться для пуска в эти стоки воды. Вода, несущаяся с высоты под давлением, эффективно чистила бы дренажные стоки от продуктов жизнедеятельности горожан. От общего дренажного стока планировались отводки вглубь каждого квартала, причем несущаяся под напором вода должна была забрасываться и в них, производя их очистку.

Улицы, ведущие с запада на восток, должны были быть шире, чем ведущие с севера на юг. По сути, доктор Монтгомери замыслил сделать из них проспекты с манговыми и тамариновыми деревьями: так создавалась бы тень в жаркие солнечные дни. Каждый дом должен был иметь свой колодец. На возвышенных местах помимо этого должны были находиться общественные колодцы и места для гигиенических процедур, сточные воды от которых направлялись бы также в канализационную систему. В наиболее многолюдных частях города должны были быть сооружены общественные туалеты.

Таковы были планы доктора Уильяма Монтгомери по строительству нового города. Сложно сказать, понимал ли доктор, какой город в конце концов вырастет на этом месте с полусгоревшими и полуразрушенными деревянными зданиями. О чем он думал, сидя среди гнилых болот, отмахиваясь от комаров, слушая громкое пение жаб и сочиняя свой меморандум? Сейчас легко говорить о том, что доктор Монтгомери не сумел увидеть на этом месте будущего большого города; а ведь за пару десятилетий до этого он наблюдал, как рос новый Сингапур! Исследователи пишут, что если бы он был архитектором, то понимал бы, какой доминантой и каким прекрасным центром стала бы древняя пагода Суле; а она у него расположена на задворках, возле северо-восточной окраины. А рядом с ней находятся еще и накопители с водой, чисто технические сооружения, основная цель которых – смыв произведенных горожанами нечистот.

Но мог ли он вообще понять будущее этого города, если лорд Дальхузи высказался о перспективах этого места уже после того, как доктор Монтгомери составил свой меморандум? Доктор Монтгомери – не Петр Первый, думающий о новой столице великой империи. Это человек, которого попросили создать чертеж нескольких модельных кварталов, чтобы они стали основой нового максимально уютного и чистого города, без разрушительных пожаров, эпидемий и фекальных стоков на мостовых. И со своей задачей доктор справился, предусмотрев все до мелочей: даже то, что вода после граждан, моющихся в расположенных на возвышенности местах совершения гигиенических процедур, должна прочищать канализацию. Сегодня специалисты говорят, что доктор, конечно, не изобрел ничего нового, но настолько четко и полно воплотил в своих предложениях самые последние достижения тогдашнего градостроительства, что его проект можно назвать идеальным.

Поэтому можно уверенно сказать, что именно доктор Монтгомери дал первый толчок тому процессу, который привел к появлению современного Янгона со всеми его уникальными зданиями и исторической ролью в жизни страны. Без этого толчка движение вперед, конечно, все равно было бы, но это было бы совсем другое движение и совсем другая история.

Сложно представить, кто изменил историю Янгона больше, чем доктор Монтгомери с его одним-единственным меморандумом. А между тем, доктора обидели дважды. В первый раз – при жизни, когда, рассмотрев его план, передали его для совершенствования и исполнения прибывшему в город инженер-лейтенанту Александру Фрезеру, а самому доктору сказали «Спасибо, вы свободны». И второй раз – после смерти, когда улицу Монтгомери в Янгоне, названную так в знак признания его заслуг по решению лорда Дальхузи, переименовали в честь генерала Аун Сана.

У каждого времени – свои герои, пусть даже и не сделавшие для развития Янгона ровным счетом ничего, зато прямо причастные к тем разрушениям и потерям, которые этот город понес во время Второй мировой войны.

Армянская история Рангуна

Странное поселение было на месте нынешнего Янгона в XVII–XVIII веках. На противоположном от него берегу широкой реки располагался Майнгту (небольшой городок «длиной в одну улицу») с резиденцией губернатора провинции Дала. Он и был главным центром цивилизации в этих краях, и даже нес на себе ее пороки: в качестве пикантной подробности обычно сообщают, что целый район этого городка, Мейнма Шве Йва, был населен исключительно проститутками. А через реку, на гнилом болотистом берегу, испещренном заводами и протоками, в это время постепенно возникало совсем новое поселение – будущий Янгон. Это уже была не бирманско-монская рыбацкая деревушка Дагон: тут наряду с местными жителями начали появляться европейские торговцы.

Сюда чаще всего приезжали те, кто имел проблемы у себя на родине. Кого-то тяготили невыплаченные долги, кто-то скрывался от правосудия. Ясно, что среди европейцев преобладали люди авантюристические и темпераментные: кто еще будет селиться в таком непригодном для жизни городе, где земля под ногами мягко и противно хлюпает, а чтобы перейти с места на место, нужно идти не по твердой почве, а по специальным деревянным мосткам, перекинутым через маленькие и большие цветущие заводи?.. Здесь запрещалось строить дома из камня, поскольку в случае перестрелки или антиправительственного выступления такие дома могли бы служить отличной крепостью, увеличивая тем самым число жертв. Холера, малярия и дизентерия были здесь обычными болезнями. Но люди здесь жили и даже находили некоторую радость в этой жизни. По праздникам они устраивали пикники, танцевальные вечера и театральные представления, ходили в церкви, каждый в свою: в 18 веке тут уже были католические храмы, армянская церковь и мечеть. Улицы здесь уже давно носили отнюдь не бирманские и не монские названия.

На фоне европейских авантюристов, волею судьбы осевших в этом малоприспособленном для жизни месте, очень выделялись представители еще одной пришлой национальности – армяне. Первые ее представители появились на территории нынешней Бирмы в XVII веке. Самый ранний из известных надгробных камней датирован 1725 годом.

Рангунские армяне были в основном выходцами из центральной Персии, например, из Новой Джульфы, куда армяне, в свою очередь, были незадолго до этого переселены с Кавказа, и из Шираза, причем попали они в Бирму через Индию. Большинство из них сюда пригнали не уголовные проблемы, а экономические и политические: в самой Персии в это время армянам жилось отнюдь не всегда комфортно, зато они хорошо умели торговать. А опыт выживания армян в Персии заставил их научиться лояльности к любой власти, которая к ним относилась по-хорошему. Губернаторы провинции Дала быстро оценили лояльность и расторопность армян, и поэтому они часто назначали их на высшие должности из тех, которые могли занимать иностранцы.

Собственно, этих высших должностей было две – акауквун, сборщик таможенных пошлин, и акунвун, сборщик налогов со всей провинции. На первую должность европейцы назначались чаще всего: здесь требовалась широта взглядов, умение принимать нестандартные решения, знание языков и опыт торговли. Например, долгое время акауквуном являлся португалец Хосе Хавьер да Крус, который до этого был каноником на британском корабле, затем убил своего капитана и, чтобы избежать преследования, стал жить в Рангуне, женившись на вдове одного француза и сделавшись добропорядочным прихожанином католической церкви. Именно его усилиями, кстати, Янгон обрел свои первые мощеные улицы. Но в истории Рангуна лучшим акауквуном был отнюдь не он, несмотря на его несомненные заслуги и кипучую энергию. Идеальным акауквуном того времени считался некий Баба Шиин, армянин по отцу и

матери, родившийся в Рангуне. При нем были установлены четкие правила сбора таможенных пошлин, назначены ответственные, налажена строгая отчетность, упорядочена документация.

С другой должностью – акунвуна – история была еще интересней. Естественно, сборщик налогов для целой провинции должен был быть исключительно местной национальности. Так оно и было – за одним исключением. Как можно легко догадаться, исключение это было армянским.

К началу XIX века в Рангуне было следующее соотношение различных некоренных (небуддистских) национальностей: около 5000 мусульман, хотя многие считают эту цифру завышенной, около 500 христиан, примерно такое же количество малабаров, то есть, выходцев из прибрежной южной Индии, и 40 армян. При этом под «христианами» понимались отнюдь не только европейские поселенцы, но и довольно многочисленные азиатские последователи этой веры.

Таким образом, армянская диаспора была достаточно большой по сравнению с другими группами иностранцев. Прежде всего, они контролировали основные торговые потоки, и были при этом не только успешными бизнесменами, но и судовладельцами и одновременно опытными капитанами собственных кораблей, носивших армянские имена – «Гайк», «Тигран», «Арам». Неудивительно, что диаспора процветала. Дома наиболее зажиточных армян на фоне соседних построек поражали своей архитектурой и размерами, и на планах Рангуна того времени они обозначались как местные достопримечательности. В 1766 году армяне построили свою церковь, причем она была возведена рядом с Таможенным управлением – местом работы многих армян. Возглавлял Таможенное управление в те годы акауквун Грегори Авас, опыт и умения которого местная администрация оценивала очень высоко.

В 1852 году англичане окончательно заняли Нижнюю Бирму, и наступила эпоха колониального владычества. Именно в первые годы при англичанах рангунским армянам жилось хуже всего. Британцы, занявшие Рангун, обращали свои взоры на север – туда, где все еще существовало отрезанное от моря независимое бирманское государство со столицей в новом городе – Мандалае. Правивший там король Миндон активно искал силу, которая могла бы уравновесить англичан и дать гарантии независимости Бирме, причем делал это осторожно и не так грубо и вызывающе, как это потом сделает его сын Тибо, который начнет отчаянно флиртовать с Францией и тем заставит англичан поторопиться. И именно армяне, приближенные короля Миндона, через свои обширные зарубежные контакты активно помогали ему в этом. Известна переписка короля с армянским католиком, причем в одном из писем Миндона высказана просьба к главе армянской церкви стать посредником в заключении союза с Россией.

Ясно, что на этом фоне британская администрация начала подозревать рангунских армян в пророссийских симпатиях. Дело даже дошло до рассуждений о том, что они под видом торговцев ездят по Бирме и собирают сведения для России. Имели ли эти рассуждения под собой реальные основания, сказать сложно. Но то, что бирманские армяне поддерживали тесные связи, подкрепленные выгодными торговыми отношениями, в том числе со своими соотечественниками в Российской империи – это действительно факт. Как факт и то, что армяне издавна служили бирманским королям: одного из них, по имени Григор, правивший в начале XIX века король Баджио официально именовал своим братом и пожаловал ему поместья. Поэтому для многих их семей приход англичан был отнюдь не радостным событием. Армяне принимали участие в боевых действиях на стороне бирманцев, причем англичане особенно были недовольны их коварством, когда снаряженный армянами торговый кававан, спокойно зашедший к ним в тыл, внезапно ошестинивался ружьями.

Тем не менее, даже несмотря на сложности с новой властью, приход британцев дал армянским торговцам самое главное, чего они до этого не имели: единую экономическую территорию для торговли и относительную безопасность передвижения, также новые возможности для торговли с Европой. Помогло и то, что армяне активно инвестировали свои средства в мас-

штабную реконструкцию Янгона, затеянную англичанами. Большую роль в этом процессе сыграл Аракел Мартин, учредитель компании по градостроительству Бирмы и ассоциации «Burma mining corporation». Именно в это время, в 1862 году, рангунские армяне отстроили свою новую церковь – Армянскую церковь Св. Иоанна Крестителя, которая действует и сегодня – на углу улиц Бо Аунг Чжо и Маха Бандула. Нужно ли уточнять, что расположена она была тоже недалеко от Таможенного управления?..

Британцы дали нам и первые достоверные сведения о численности армян. По переписи 1871-72 годов, армян в Британской Индии (а Бирма структурно была ее частью) насчитывалось 1250 человек, причем жили они в основном в трех городах – Калькутте, Дакке и Рангуне. Согласно архивам Армянской церкви Св. Иоанна Крестителя, в период с 1851 по 1915 годы были окрещены 76 человек, живущих в Бирме: в основном в Рангуне, и несколько человек – в Мандалае и Мэймью, известном сегодня как Пьин У Лвин. В период с 1855 по 1941 год вступило в брак 237 армян, а в период с 1811 по 1921 год умерло более 300 армян. В 1907 году в колониальной администрации был зарегистрирован Устав армянской общины. Самой знаменитой армянской уроженкой Рангуна того времени, прошедшей здесь ранние годы своей жизни, по праву считается первая в современной мировой истории женщина-посол Диана Ага-бег Апкара (Абгар), удивительная жизнь и судьба которой описана во многих книгах.

В колониальной истории Рангуна, пожалуй, самой известной армянской семьей остается семья Саркисов, хотя они и не жили в этом городе постоянно. Носившие эту фамилию четыре брата – Мартин, Тигран, Авет и Аршак – были выходцами из персидского Исфахана. Сначала судьба привела их предков в Индию, в Калькутту, где они преуспели в торговле. После основания Стэмфордом Раффлзом в 1820-х годах нового города Сингапура, Йохан Саркис устремился туда. А та ветвь Саркисов, о которой я веду речь, с 1869 года обосновалась на острове Пинанг – это территория нынешней Малайзии. Когда Мартин Саркис прибыл на Пинанг, это было уже довольно известное место, популярное как у торговцев, которые здесь сделали перевалочную базу для своих товаров, так и у путешественников. За почти 80 лет с момента покупки и освоения англичанами острова здесь вырос целый город со зданиями колониального стиля и виллами европейских поселенцев. Еще одно событие того времени, сделавшее роль Пинанга более важной, чем прежде, – открытие Суэцкого канала, которое подхлестнуло процессы торговли между Юго-Восточной Азией и европейскими странами. Соответственно, поток торговцев и путешественников, в том числе богатых и именитых, резко вырос.

Именно на этом фоне братья Мартин, Тигран, Авет и Аршак на вырученные от торгового бума деньги основали свой первый отель. Они не строили множество гестхаузов, как их конкуренты. Вместо этого их задачей было создание своей сети фешенебельных отелей с ванными комнатами (неслыханной тогда роскошью для стран Юго-Восточной Азии), столовым серебром и полотенцами с монограммами гостиниц, чтобы визитер из Европы, привыкший к роскоши дворцов с последними благами цивилизации, видел в азиатском городе тот комфорт, к которому он привык. Именно поэтому отели должны были стать «государством в государстве»: внутри ничто не должно было напоминать о том, что за его дверями – шумный и грязный азиатский город с бытовой неустроенностью и нищетой. Отели имели собственные парогенераторы, производившие электричество, системы забора и очистки воды, вышколенный персонал, знающий, до какой температуры нужно охлаждать шампанское и как подавать виски. Сюда же с побережья Каспия по линии армянских торговцев привозилась черная икра, а пекари при отеле умели печь вкусные европейские булочки, жарить тосты для завтрака и по-фирменному готовить огромных лобстеров. Одного такого отеля в каждом крупном городе ЮВА было достаточно для того, чтобы поселить в нем всех находящихся там ВИП-клиентов, и победителем должен был стать тот, кто первым этот отель построит. Братья Саркисы и стали такими победителями.

В Рангуне в их гостиничную империю вошел отель «Стрэнд» («Прибрежный»), который наряду с сингапурским «Раффлзом» стал ее жемчужиной. Двое из четырех братьев, Авет и Тигран, занимались возведением этого отеля и разработкой его концепции. Нужно сказать, что первым удачным шагом двух братьев был выбор места для строительства – чуть в стороне от морского порта, на берегу устья реки Янгон, где уже почти не видно берегов, потому что впереди – Индийский океан. Вообще, это было одной из «фишек» братьев Саркисов – строить отели именно на берегу. Откуда такая тяга к морским просторам у выходцев из сухопутного Исфахана, сказать не мог никто. Тем не менее, именно этот принцип расположения повысил популярность отелей. Злые языки поговаривали, что европейским джентльменам за чтением утренних газет или чашкой пятичасового чая приятнее было видеть морские просторы, чем грязные улицы.

Отель «Стрэнд» был открыт в 1901 году, в последний год правления королевы Виктории, и поэтому все его традиции впитали дух викторианской Англии. Он располагался в доме № 92 по одноименной улице, и уже с момента основания о нем стали писать как об «одном из самых фешенебельных отелей в британской империи, постояльцами которого были исключительно белые». До сих пор это – самый шикарный и самый дорогой отель Янгона с вышколенным персоналом и своими традициями, восходящими к колониальным временам. Здесь останавливались Пьер Карден, Оливер Стоун, Дэвид Рокфеллер, Мик Джаггер, Редьярд Киплинг, Коммерсет Моэм и другие знаменитости.

Вообще, армянский вклад в строительство Рангуна в виде новых домов, мостов, а затем и аэропорта, сделанный за 100 лет между приходом британцев и обретением независимости страной, трудно переоценить. И даже после ухода англичан из Бирмы в 1948 году армяне сыграли свою роль в закреплении символов нового государства: монумент Независимости в центре Янгона у пагоды Суле возводила армянская компания «Мартин и Нагапетян».

К сожалению, память об армянах и их роли в истории Бирмы сегодня постепенно стирается. Там, где недалеко от пагоды Суле было старое армянское кладбище, уже давно построили дома, и сегодня это – один из самых оживленных перекрестков центра Янгона. Вместе с уехавшими из Рангуна армянами постепенно исчезает память о тех, кто прибыл сюда, гонимый с собственной родины, скрываясь от долгов и судебного преследования или в поисках своего торгового счастья. Прибыл, чтобы здесь, в малярийном и дизентерийном болотистом Рангуне, начать с чистого листа новую жизнь, при этом сохранив и передав потомкам свой язык, культуру и религию.

Янгонские озера

Когда англичане в середине XIX века получили в свое распоряжение Рангун, они пришли в ужас от ситуации с чистой водой в этом городе. Вода из реки Янгон, в которую стекали все городские нечистоты, приносимые к берегу обратно приливом, для гигиенических целей не годилась. Да и без нечистот вода этой реки была мутной, со взвесью липкой грязи, и перед стиркой белья ее нужно было долго отстаивать. К тому же воду из реки приходилось носить ведрами, возить бочками или качать руками или ногами, а это стоило денег и человеческих усилий. Когда же в Янгоне начинался один из многочисленных пожаров, то часто оказывалось, что тушить его попросту нечем.

Именно поэтому встала задача создать севернее Янгона на более высокой местности что-то вроде естественного резервуара, где скапливалась бы вода, текущая во время сезона дождей с севера, с материка. В этом резервуаре она могла отстаиваться, а потом, под воздействием гравитации, стекать к городу по специально сделанным арыкам, наполняя бочки и колодцы.

Но севернее нового Рангуна, там, где сейчас расположен район Инсейн, еще недавно были дикие джунгли, куда иногда забредали слоны и тигры. За несколько десятилетий до этого жители городского центра жаловались, что они находятся под постоянной угрозой обнаглевших тигров, которые среди бела дня охотились на городских улицах на бродячих собак. Для того, чтобы освоить эти территории и создать там водоем, пришлось бы приложить слишком много усилий. Поэтому городские власти решили пойти по более легкому пути – создать водоем к северо-востоку от центра нового города, то есть именно там, где сейчас расположено озеро Кандочжи.

До начала преобразований озеро Кандочжи (Большое Королевское) было всего лишь самым крупным водоемом среди болот. По проекту, активно обсуждаемому Муниципальным комитетом в середине 1870-х годов, автором которого был главный инженер городских сооружений по фамилии Мэттью, предполагалось осушить и укрепить прилегающие к озеру территории, соединить все мелкие водоемы в один и возвести вдоль его южного края дамбу. С помощью этих мер инженер Мэттью надеялся добиться такого уровня снабжения водой, чтобы на человека приходилось по десять галлонов воды в день.

Именно этот проект был утвержден Главным комиссаром, и он тут же начал воплощаться в жизнь. После возведения дамбы, которая существует до сих пор, несколько мелких озер стали частью Кандочжи, а озера ниже дамбы, например, второе по величине – Кандолэй, просто прекратили свое существование. От Кандочжи были прорыты каналы, ведущие к жилым кварталам Рангуна, которые наполняли водой специально вырытые колодцы или наземные резервуары. А уже оттуда сами жители разносили воду по домам, или, черпая воду ковшиком, прямо у резервуаров совершали ежедневные гигиенические процедуры.

Сразу после запуска новой системы водоснабжения, в 1879 году, городские власти рапортовали о снижении заболеваемости холерой: в том году было зафиксировано всего 29 случаев холеры против 499 годом ранее. Были решены сразу две задачи: город получил источник снабжения водой для гигиенических целей, и были ликвидированы малярийные болота. А озеро Кандочжи стало популярным местом загородного отдыха: его берега, заросшие деревьями, идеально подходили для романтических прогулок на лодочках. Сверху кроны деревьев предохраняли от жаркого солнца, снизу вода навевала прохладу, а спускавшиеся низко к воде ветви с листьями создавали множество укромных уголков для влюбленных. По озеру плавали маленькие яхты под парусами, вдоль его берега в парке неспешно гуляли рангунцы, а после открытия рядом зоопарка по утрам с озера доносились радостные трубные звуки слонов, которых водили сюда купаться.

Сейчас озеро Кандочжи – одна из визитных карточек Янгона. Это – место утренних пробежек янгонцев и занятий дыхательной гимнастикой на берегу под деревьями. Вдоль южного берега озера, как раз там, где была возведена дамба, сейчас сделан дощатый мостик для пеших прогулок длиной в несколько километров. Вдоль северного берега, на улице Натмаук, сейчас стоит небольшой позолоченный памятник генералу Аун Сану, за которым начинается цепочка популярных в Янгоне ресторанов, в основном китайской и тайской кухни. У западного берега, обращенного к пагоде Шведагон, расположен парк развлечений, в котором любят гулять янгонцы. Основная его достопримечательность – ледовый сарай, где внутри есть настоящая снежная горка, с которой можно скатиться. Правда, стоит это недешево, поэтому мечта увидеть настоящий снег для большинства янгонцев так и остается мечтой. Здесь же расположен ресторан «Сигнича» с обращенной к озеру верандой – одно из мест утренних деловых завтраков и вечерних посиделок богатых янгонцев и заезжих иностранцев. Другой ресторан на прибрежной веранде расположен в отеле «Кандочжи Палас»: здесь подают блюда французской кухни, правда, цены сильно кусаются.

А вдоль восточного побережья, на небольшом полуострове, располагается еще одна зона отдыха с аллеями для гуляний и множеством маленьких ресторанчиков на берегу. Здесь, на специальной открытой площадке, часто проводятся концерты мьянманских популярных певцов и музыкантов. А главное украшение этой территории, привлекающее массу туристов, – огромное позолоченное судно в форме сказочной утки, повторяющее очертания королевской барки, с рестораном «Каравейк» и живым традиционным мьянманским шоу внутри...

Уже в середине 1870-х годов, когда шли разговоры об использовании воды озера Кандочжи, было понятно, что это лишь временно поможет решить задачу водоснабжения нового города.

И доктор Монтгомери, и лейтенант Фрезер в середине XIX века предполагали, что они создают основу для компактного портового города, который будет служить перевалочной базой для морских судов, заходивших в тихое устье реки Янгон. Здесь товары должны были проходить таможенную очистку, перегружаться на небольшие речные корабли и развозиться по населенным пунктам внутренней Бирмы. Собственно, этим функции Рангуна и предполагалось ограничить. Даже инициатор всех тогдашних преобразований, вице-король Индии лорд Дальхузи, вряд ли мог предвидеть бурный рост этого небольшого городка.

А между тем, этот бурный рост совсем скоро не заставил себя ждать. Он вошел в историю Янгона как «индианизация».

Получившие в свое владение город британцы считали, что местные управленческие кадры как-нибудь появятся сами собой, поэтому силы и средства на их подготовку тратить не стоит. А для текущего руководства они начали завозить уже обученных и готовых к использованию чиновников-индусов, поскольку колониальная Бирма структурно являлась частью Британской Индии. Как это было принято, многие из этих чиновников привезли с собой с десяток индийских родственников. За ними приехали полицейские-индусы, тоже с семьями. Большая часть торгового оборота рангунского порта приходилась на Индию, и вскоре тут в массовом порядке появились индийские бизнесмены и индийские же портовые рабочие. На предприятия Рангуна стали активно завозить рабочих-индусов. Появились целые кварталы, заселенные индусами-кули. Плюс к этому началась активная миграция жителей Индии для работы на рисовых полях: в Бирму приезжали целыми деревнями, и путь мигрантов лежал через Рангун, где они проводили от нескольких дней до нескольких месяцев. А еще индусские рабочие с тиковых заготовок и с рисовых полей массово приезжали в Рангун коротать время в межсезонье.

По социальному составу индийских иммигрантов можно сделать вполне резонный вывод, что это были в большинстве своем люди, которые либо вообще не имели опыта городской жизни, либо этот опыт у них был весьма своеобразным, индийским по своему характеру. например, для крестьян и сезонных рабочих туалет начинался сразу же за входной дверью.

Все это усугублялось скученностью населения, потому что Рангун оказался не резиновым, и к такому наплыву жителей он был явно не готов. Все больше и больше домов переходили в разряд бараков, где в одной комнате жили несколько семей. Как-то муниципальный служащий насчитал в одной комнате в центре города 23 живущих в ней человека. В документах муниципалитета описываются антисанитарные условия жизни тогдашних рангунцев; особо отмечается грязный пол, покрытый мусором, остатками жизнедеятельности и слоем мутной воды. Появлялись наскоро построенные сараи, где жили рабочие; естественно, при постройке этих временных сооружений напроочь игнорировалась мысль о том, что живущим в них людям будут нужны канализация и водопровод. Положение осложнялось тем, что такие сараи были очень доходным бизнесом зажиточных европейцев и бирманцев, поэтому наводить порядок в этом секторе городским властям было очень непросто.

Британцы, которые тогда не считали нужным беспокоиться о национальной толерантности и называли вещи своими именами, писали прямо: город загадили индусы с их своеобразным представлением о гигиене. В 1872 году число этнических индусов среди жителей Рангуна составляло 16 тысяч человек (16 % от сотысячного населения города), а в 1882 году их было уже 66 тысяч (49 % населения). На этом, кстати, процесс не остановился: в 1901 году число живущих в Рангуне индусов составляло уже 119 тысяч.

В этих условиях перед властями встала задача обеспечить в городе хотя бы минимум санитарии. Попытки ввести налог на домохозяйства по вывозу нечистот не имели успеха: собираемость налога оказалась крайне низкой, а привезенные из Калькутты ассенизаторы постоянно бастовали, требуя повышения оплаты труда. По сути, эта система более или менее успешно работала в западной части города, где жили платежеспособные европейцы, бирманцы и китайцы, но остальные его частипостепенно превращались в зловонные клоаки. Здесь начались эпидемии, грозившие перекинуться на более благополучные районы города.

Власти попытались обратиться к помощи полиции, но вскоре оказалось, что именно полиция в этом процессе менее всего эффективна. Во-первых, полицейские-индусы не видели ничего особенно страшного в том, что люди отправляют естественные потребности прямо за порогом своего дома. Во-вторых, у этих людей все равно не было денег, чтобы заплатить штраф, а битые палками приводило лишь к тому, что в следующий раз они принимали позу орла только тогда, когда убеждались, что рядом нет полицейского; при этом число куч на дорогах не уменьшалось. И в-третьих, требования полиции о гигиене все равно нельзя было выполнить: воды в Рангуне не хватало, и гигиенические резервуары и колодцы были пусты. Вдобавок ко всему не оправдались оптимистические умозаключения доктора Коуи о том, что воду из озера Кандочжи можно после очистки смело употреблять для гигиенических нужд. Фильтры не справлялись с очисткой, а вода в озере год от года становилась все грязнее.

В начале 1880-х годов муниципальные власти приняли решение о создании еще одного водоема, который должен был восполнить потребности Рангуна в воде и помочь жителям очистить город. Для его создания максимально подходила местность Кокайнг: именно там, на шестой миле от центра, пролегла ложбина, уводящая текущие вниз с материка воды в реку Янгон, не давая им залить город. Идея была простой: построить параллельно с дорогой на Пром (сейчас это улица Пьи) дамбу, а попутно соединить перемычками нескольких небольших холмов. К этому времени джунгли там уже были вырублены, а город активно двигался на север. Именно поэтому работы, которые оказались более масштабными, чем в случае с озером Кандочжи, потребовали совсем немного времени. В 1884 году новый водоем появился на карте. Он был назван озером Виктории – по имени правившей тогда британской королевы. Обильный и чистый источник водоснабжения с помощью каналов и трубопроводов наполнял водой озеро Кандочжи, уровень которого тут же поднялся на три фута, в результате чего потребовалось заново укреплять берега, а оттуда распределялся по Рангуну.

За свое 130-летнее существование озеро Виктория успело сменить название на озеро Инья и стать свидетелем многих громких событий в истории современной Бирмы. На южном берегу озера сегодня находится построенный еще англичанами университетский кампус: именно отсюда начиналось большинство общественных движений страны. С юга к озеру примыкает Шветаунгджар – янгонская «рублевка» с виллами хозяев здешней жизни. Среди них – и вилла, где лидер оппозиции До Аун Сан Су Чжи коротала время под домашним арестом. Немного в стороне – дом бывшего диктатора Мьянмы генерала Не Вина. Здесь же находится Мьянманская федерация яхт и несколько хорошо обустроенных парков с недешевыми ресторанами. На восточном берегу расположена местная достопримечательность – отель «Инья-лейк», спроектированный К.Кисловой и В.Андреевым. Этот отель был построен и передан Советским Союзом в дар народу Бирмы в 1961 году.

А для янгонцев попроще озеро Инья – это две аллеи для массового гуляния. Одна аллея – вдоль улицы Пагоды Каба Эи, на восточном берегу озера, у отеля «Седона». Здесь же – парк развлечений с нехитрыми каруселями и аттракционами, знакомыми многим по советскому детству.

Другая аллея – вдоль улицы Пьи, на западном берегу озера. Она знаменита своим ресторанным двориком в самом начале дорожки, где можно относительно недорого поужинать на любой вкус. Вдоль склона, между идущей вдоль берега прямой аллеей и проезжей частью улицы Пьи, – место вечерних пикников янгонской молодежи, с песнями под гитару и бурными обсуждениями событий прошедшего дня. А по аллее обычно романтически бродят влюбленные парочки и гуляют перед сном янгонские бабушки и дедушки. Вдоль аллеи лицом к озеру установлены лавочки, чтобы вместе с любимым человеком задумчиво смотреть вдаль. Здесь запускают змеев, палят из китайских хлопушек, кормят приплывающих к берегу рыб. А по утрам, когда влюбленные парочки спят, берег озера Инья целиком отдан в распоряжение бегунов трусцой и любителей китайской гимнастики.

Недавно дорожки вдоль озера заново покрыли асфальтом, поставили новые лавочки и сменили фонари. Теперь это уже не низкорослые «советские» антивандальные грибки с круговыми железными жалюзи вместо стеклянного плафона, как это было раньше, а вполне современные яркие светильники. Жизнь меняется и здесь, на берегу этого самого популярного озера Янгона.

После появления озера Виктория и решения проблемы водоснабжения на рубеже XIX и XX веков в Янгоне начался строительный бум. Если в избытке есть чистая вода, значит, город уже вполне пригоден для жизни. Значение Рангуна возрастало, и в первой половине XX века он постепенно стал самым развитым и красивым городом Юго-Восточной Азии. Фактически весь облик сегодняшнего центра Янгона с его зданиями колониального стиля был сформирован именно тогда, в первой половине прошлого века.

Один мой мьянманский знакомый вспоминал, что когда в 50-е годы его отец поехал по каким-то делам в Сингапур и взял его, тогда еще мальчишку, с собой, он был поражен контрастом двух городов. Сингапур оказался большой деревней с грязными, загаженными и давно не отремонтированными улицами, по которым бродил домашний скот, а люди производили впечатление жителей далекой провинции, имеющих смутное представление о цивилизации. На второй день он в испуге от увиденного попросил отца отвезти его обратно в удобный, чистый и культурный Рангун с его красивыми большими зданиями и цивилизованными людьми.

Тем не менее, после прихода к власти в Бирме военных и самоизоляции страны развитие города резко затормозилось. Можно сказать, что по своему облику, инфраструктуре и транспорту город во многом так и остался в 50-70-х годах прошлого века. Это хорошо для туристов, потому что они видят мало тронутый глобализацией настоящий азиатский город со своей архитектурой, уникальными обычаями и традициями. Но местные жители этому не особенно рады, поэтому что в этом городе вчерашнего дня им приходится жить.

«Русские» здания Янгона

Бирма провозгласила независимость от Великобритании 4 января 1948 года, став одной из первых ее колоний, обретших самостоятельность сразу после Второй мировой войны. Новое государство было почти сразу же признано Советским Союзом.

Визит премьера независимой Бирмы У Ну в СССР состоялся в октябре 1955 года. Обе стороны тогда присматривались друг к другу. Секретарь премьера У Тан (в будущем – Генеральный секретарь ООН) настоятельно советовал своему шефу не поднимать тему о помощи Советского союза бирманским коммунистам, ведущим вооруженную борьбу против правительства. Тем не менее, У Ну эту тему поднял, в лоб попросив советского лидера Н. Хрущева не вмешиваться во внутренние дела его страны.

Но чем-то У Ну расположил к себе Хрущева, если этот выпад оказался без ответа. Более того, Хрущев потом несколько раз демонстрировал свое доверие У Ну, считая его честным и порядочным, а главное, неспособным на удар в спину человеком. Можно сказать, что Хрущев увидел в У Ну свое азиатское отражение: оба были щедры на улыбки, говорливы, отличались некоторой непосредственностью, импульсивностью и эмоциональностью. В общем, видимо, Хрущев решил, что он понял У Ну.

Были и другие моменты, которые способствовали развитию отношений. Во-первых, Бирма провозгласила курс на построение социализма. Что такое социализм, здесь понимали по-своему. Один из ключевых министров, лидер Соцпартии У Ба Све, не устал повторять, что марксизм для него обладает относительной значимостью, а вот буддизм – абсолютной. Сам У Ну был человеком религиозным, и иногда, бросив премьерскую нервотрепку, уходил в буддистский монастырь простым монахом – помедитировать, успокоиться и привести в порядок мысли. А еще для СССР были важны очень выгодное стратегическое положение Бирмы и ее большой авторитет в мире: эта страна являлась одним из инициаторов проведения Бандунгской конференции и играла активную роль в международных процессах. В общем, Бирма была слишком лакомым куском, чтобы ее отдавать американцам, и руководство СССР готово было закрыть глаза на некоторые невинные чудачества ее лидеров.

Именно поэтому в декабре 1955 года, вскоре после визита У Ну в СССР, в Бирму приехали первый секретарь ЦК КПСС Н. Хрущев с тогдашним главой правительства Н. Булганиным. Тогда и было положено начало сотрудничеству, которое обеими сторонами оценивалось как взаимовыгодное и характеризовалось принципом «рис в обмен на технику». В течение всего этого времени отношения между Хрущевым и У Ну были подчеркнуты уважительными, с демонстрацией чисто человеческих симпатий. Например, У Ну мог с оказией прислать руководителю СССР тропические фрукты, а в ответ советский лидер посылал бирманскому другу несколько килограммов черной икры (надо сказать, это был очень неудачный подарок, потому что бирманцы красную и черную икру считают редкостной гадостью и есть ее не могут).

Материальным итогом сотрудничества СССР и Бирмы тех лет стали три объекта, спроектированные и построенные Советским Союзом. Один из них – крупный госпиталь – появился в столице штата Шан, городе Таунгджи. А два других объекта расположены в Янгоне: это Янгонский технологический университет и отель «Инья». Хрущев потом в качестве главы Советского правительства побывал в Бирме еще раз, в 1960 году, уже без отправленного в отставку Булганина. Именно в этот период строительные работы на двух рангунских объектах были в самом разгаре. Говорят, Хрущев лично вмешался в процесс, принявшись вычерчивать свободную форму бассейна, который должен был появиться при отеле. Впрочем, и У Ну не чурался давать указания, встречаясь с архитекторами и высказывая свои новаторские идеи; правда, оговариваясь при этом, что специалистам все-таки виднее.

Технологический университет возводился с 1958 года в Инсейне, северо-западном пригороде Рангуна. Московскому архитектору П. Стенюшину в это время исполнилось 54 года, за его плечами было несколько масштабных работ – например, «генеральский дом» в духе сталинского ампира на Ленинградском проспекте Москвы и план застройки центра Курска, включающий здание Горисполкома на Красной площади этого города, разработанный в конце 1940-х годов. Но для того, чтобы понять, что нужно построить в столице тропической страны, ему пришлось изменить многие свои представления об архитектурных формах.

В результате получилось очень интересное скрещение сталинского стиля с требованиями тропической архитектуры. Главный корпус Технологического университета помещен под большую плоскую прямоугольную крышу, которая на несколько метров шире этого корпуса. Выступающие края этой крыши опираются на ряд массивных колонн. Такое архитектурное решение не только придает зданию величественную форму, но и не дает палящему тропическому солнцу светить в окна учебных аудиторий.

Главный корпус был хотя и самым значимым, но не единственным зданием, переданным Бирме. По сути СССР построил для этой страны целый город. В короткой сухой справке специалистов это выглядит так: «Технологический институт на 1100 студентов 1958-61 годы, советские архитекторы П.Г.Стенюшин, П.П.Кузнецов, С.М.Айрапетов, М.Н.Виноградская, Л.Н.Менпутина, Н.В.Оболенский, конструкторы О.Г.Донская, Р.И.Катаева, И.М.Лялин; железобетонный каркас, учебные корпуса – кубатура 125500 кубических метров, общежития на 800 мест, 25 коттеджей и домов для преподавателей, столовая, поликлиника».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.